

О ПЛЕНЕНИИ ВОИНАМИ МОСКОВСКОГО КНЯЗЯ «ПОПА РУСКАГО, ИЗ ОРДЫ ПРИЙДОША»

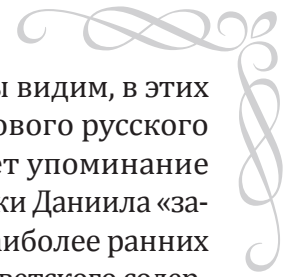
Каноническая история отдельных исторических событий и даже целых эпох создаётся, как правило, посредством многократного повторения навязываемых стереотипов и замалчивания тех фактов, которые никак не укладываются в официальную идеологическую концепцию. Ярким примером тому является игнорирование официальной российской исторической наукой целого ряда летописных свидетельств о захвате в плен воинами или ополченцами Великого князя Московского Дмитрия Ивановича, православного священника, находившегося в рядах золотоордынских войск темника Мамая, вместе с «мехом зелий смертельных», т. е. с мешком или баулом наркотических или ядовитых веществ.

Упоминание об этом факте мы встречаем как минимум в шести летописных нарративах — Симеоновской, Софийской I, Вологодско-Пермской, Вологодской и Холмогорской летописях, а также в Архангелогородском летописце, являющемся одной из редакций Устюжской летописи. Сам факт неоднократного упоминания данного события в периферийных по месту происхождения или ареалу описываемых событий по отношению к Москве летописях свидетельствует о том, что данное событие имело экстраординарный характер и получило широкий резонанс в просвещённой части средневекового русского общества, близкого по своему социальному положению к княжеской администрации или церковной иерархии. При этом составители и переписчики летописей были крайне далеки от описываемых событий, что привело к появлению в текстах указанных нарративов целого ряда ошибок и противоречий, подробно рассмотрению которых и посвящена данная публикация.

Самое раннее из сохранившихся до наших дней в первоизданном виде и наиболее полное по объёму информации упоминание об этом историческом факте встречается в Симеоновской летописи, которая была составлена в 1560-х годах дьяком-приказчиком Иосифо-Волоколамского монастыря Д. Ф. Лапшиным. Описывая события сражения на реке Воже 11 августа 1378, среди прочего он сообщает современным ему читателям и потомкам: *«Того же лета, егда бысть пробоище на Воже с Бегычем, изнимаша на тои воине некого попа из Орды пришедша Иванова Васильевича, и обретоша у него злых зелий лютых мешок, и извощавше его и много истязавша, послаша его на заточение на Лаче озеро, иде же бе Данила заточник»* [1].

В сходных выражениях описывает данный факт и Софийская I летопись, время составления которой датируется 1570-ми годами, своим содержанием восходящая (по А. Г. Боброву и Б. М. Клоссу) к своду митрополита Киевского и всея Руси Фотия (1418): *«Изнимаша на тои воине попа неотораго, из Орды пришедша, Иванова попа Васильевича, и обретоша у него злых зелий лютых мешок; и истязавша его много и рассудиша, и послаша его на заточение на Лаче озеро, иде же бе Данила заточник»* [2]. Данное свидетельство дословно повторяется в тексте Вологодско-Пермской летописи, содержание которой весьма близко Симеоновской летописи, при описании сражения на реке Воже 1378 года [3], что лишний раз свидетельствует о том, что все три указанных нарративных источника (равно как и известные российской исторической науке их списки) имели общий протограф, канону которого их составители и переписчики неукоснительно следовали.

Приведённые выше летописные свидетельства, несмотря на всю свою кажущуюся немно-

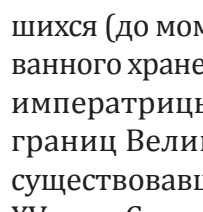
гословность, содержат достаточный объём фактического материала. Во-первых, захваченный в плен священник — это не выдумка какого-то одного летописца, а объективный факт, содержащийся сразу в трёх летописных источниках, имеющих разные протографы (несохранившиеся исходные тексты). Более того, Холмогорская летопись сообщает даже его имя: «Иванов Васильевич». Во-вторых, он действительно был православным священнослужителем «из Орды», а поэтому московские воеводы *«истязаше его много и послаше на заточение»*, а не казнили после всех допросов с пристрастием и пыток, как это было бы с любым другим человеком, не имевшим духовного сана в иерархии государственной церкви, т. е. «попом русским». В-третьих, упоминающееся в тексте Холмогорской летописи и Архангелогородского летописца озеро Лача («*Лаче озеро*»), находящееся на территории современного Каргопольского района Архангельской области, в истории российской государственности традиционно являлось местом поселения или «заточения» государственных преступников. Впервые в средневековой русской литературной традиции и именно в таком качестве оно упоминается в «Молении Даниила заточника» — письменном литературном памятнике XIII века (*«кому Лаче-озеро, а мне, на нем живя, плач горький»* [4]).

Однако летописи более позднего составления уже начинают утрачивать отдельные элементы информации, присущие более ранним по времени своего происхождения нарративам. Холмогорская летопись, известная только в одном списке второй половины XVII века, описывает этот факт в несколько иных выражениях: *«Изымаху на той же войне некоторого попа, из Орды пришедша, Иванова Васильевича, обретоша злых и лютых зелий мешок, истязаше его много и послаше на заточение на Лаче озеро»* [5]. Архангелогородский летописец, составление которого также датируется второй половиной XVII века, категорически указывает: *«На том же побоищи изымали попа рускаго, от Орды пришедша, и обретоша у него мех лютаго зелья. И посла его князь великий в заточенье на Лачь озеро в Каргополе, а мех*

з зелием сожогша» [6]. Как мы видим, в этих двух памятниках средневекового русского летописания уже отсутствует упоминание об озере Лача как о месте ссылки Даниила «заточника», автора одного из наиболее ранних эпистолярных произведений светского содержания, написанных на церковнославянском языке, но появляется город Каргополь, первое официальное свидетельство, о существовании которого датируется 1447, т. е. через 60 лет после описываемых в Архангелогородском летописце событиях, что явно свидетельствует о переносе его составителем реальности его времени на более раннюю историческую эпоху. Данное обстоятельство позволяет нам говорить о том, что «Моление Даниила заточника» и судьба его автора в XVII столетии оказались уже полностью забытыми представителями образованной части русского общества, чего ещё нельзя сказать об их предшественниках из XVI века. Поэтому упоминание о нём не было воспроизведено переписчиками более позднего времени как «несущественное» или вообще «непонятное».

На фоне всех этих свидетельств особняком стоит информация пленении «попа, из Орды пришедша», содержащаяся в тексте Вологодской летописи, появление которой датируется первой половиной XVI века. В данном нарративном источнике упоминание об этом факте мы встречаем в контексте описания сражения между московскими и золотоордынскими войсками. На Куликовом поле 8 сентября 1380, а не на реке Воже 11 августа 1378: *«Бысть бой князю Димитрию Ивановичю на Дону с царем Мамаем Ордынским, и на том побоище поимали попа русского, а у него взяли мех, накладен зелей лютых смертоносных, и послали его в заточение»* [7]. В связи с этим возникает вполне резонный вопрос о причинах появления такой ошибки в тексте Вологодской летописи.

Но прежде чем начать искать ответ на этот вопрос, исследователь должен обратить внимание на одно весьма существенное, на наш взгляд, обстоятельство: упоминания о пленении воинами московского князя «попа, из Орды пришедша», встречаются исключительно в летописях, составленных и сохранив-

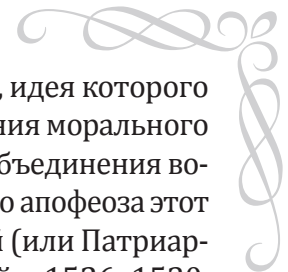
шихся (до момента их сбора для централизованного хранения и опубликования по указам императрицы Екатерины II) вне пределов границ Великого княжества Московского, существовавших ранее последней четверти XV века. Симеоновская летопись, как и составленная на её основе Вологодско-Пермская, тяготели к тверской летописной традиции, Софийская — к южнорусской или киевской, все прочие — Холмогорская, Вологодская летописи и Архангелогородский летописец, как и редакция Устюжской летописи, — к новгородской или северорусской летописной традиции. Тверь как некогда столица самостоятельного русского великого княжества, представители княжеского рода которого неоднократно получали ярлык на великое княжение в Орде, вошла в состав Московского государства в 1485, Новгород, существовавший на протяжении трёх столетий как самостоятельная боярская республика, был присоединён к Москве «огнём и мечом» в 1478, Киев — вообще в 1654.

Иными словами, все эти памятники русского средневекового летописания создавались и на протяжении целого столетия тиражировались монастырскими переписчиками без вмешательства и цензуры Москвы, являвшейся к тому времени признанным военно-политическим, но никак не идеологическим центром русских земель. Распространение и закрепление идеологического влияния Великого княжества Московского на все прочие русские земли осуществлялись на протяжении нескольких поколений людей после подчинения тех или иных административно-территориальных единиц власти Москвы, и главным инструментом этого являлось «переписывание» летописей на «московский манер», вследствие чего из их текстов исчезали фрагменты, которые не соответствовали государственной идеологии православного самодержавия.

Причину, по которой упоминание об этом факте сохранилось именно в «периферийных» — тверских, северорусских и южнорусских — летописях и уже из них стало достоянием исследователей, мы можем объяснить двояко. С одной стороны, хорошо известно, что летописи регионов Центральной России

(их ещё называют «московскими летописями») на протяжении XVI–XVII столетий неоднократно редактировались и переписывались в угоду политической конъюнктуре интересов того или иного правителя Московского государства, но с «периферийными» летописями такого не происходило, и их содержание наиболее близко к оригиналу протографов. С другой стороны, всякая летопись в своём содержании несла отпечаток региональной специфики, и в ней поэтому находили отражение те события локальной значимости, которые были неинтересны составителям и переписчикам общерусских («центральных») летописей. Появление на жительство «в заточении» пленного «попа из Орды», захваченного во время сражения с золотоордынскими войсками, было событием если не для всего русского мира, то точно — для просвещённой части общества всего средневекового Русского Севера или как минимум для некоторых его субрегионов, что и нашло отражение в нарративных памятниках регионального летописания. Наиболее ярко влияние этих факторов проявилось в тексте Вологодской летописи, который представляет собой компиляцию сведений общерусского и северорусского летописания, когда сведения об исторических событиях общегосударственного масштаба дополняются информацией местного содержания, что приводит к появлению фактологических ошибок.

Справедливости ради следует отметить, что не только одна Вологодская летопись характеризуется смешением событий двух сражений вооружённых отрядов Великого князя Московского Дмитрия Ивановича (Донского) и золотоордынского темника Мамай, состоявшихся на реке Воже 11 августа 1378 и на реке Дону 8 сентября 1380. Этим же грешит Рогожский летописец, являющийся памятником тверской летописной традиции, а Новгородская I летопись вообще не содержит упоминания о сражении на реке Воже. Если говорить прямо, то для некоторых центров или регионов русского средневекового летописания события борьбы Москвы и Золотой Орды за господство в русских землях в последней трети XIV столетия (в силу различных причин) не имели

принципиального значения и были неинтересны, и только создание летописного свода митрополита Киевского и всея Руси Фотия, датированного 1418 годом, вывело главные события этого противостояния на общерусский уровень, трансформировав их из региональных в национальные.

Постепенное предание забвению в средневековой русской летописной традиции факта пленения в обозе золотоордынских войск захваченного воинами московского князя в результате битвы на реке Воже «попа русского, из Орды пришедшего», является наглядной иллюстрацией процесса постепенной идеологизации истории русско-ордынских отношений, растянувшейся на несколько веков. Золотая Орда долгое время была апатичным к любой форме религиозности или конфессии государством, в структуре которого сосуществовали представители разных народов и религий, в связи с чем хотелось бы напомнить тот факт, что начиная с 1261 года в Золотой Орде существовала православная Сарайская и Подонская епархия, учреждённая митрополитом Киевским Кириллом III. В составе золотоордынских войск находились отряды православных христиан самой различной этнической принадлежности, часть из которых вполне могла присутствовать в составе корпуса темника Бегича, разгромленного в сражении на реке Воже. Поэтому присутствие в обозе этой группировки золотоордынских войск православного священника («попа русского») было закономерным и оправданным. И вряд ли кто из летописцев обратил бы на этот факт особое внимание, если бы при нём не был обнаружен «злых зелий лютых мешок», из-за которых он и был подвергнут пыткам и ссылке в заточение на самый северный край московской государственной ойкумены того времени.

Но после знаменитого «стояния на реке Угре» (1480) тема московско-ордынской военно-политической конкуренции, типичной для эпохи Средневековья, постепенно стала приобретать в русской летописной традиции черты религиозно-нравственного или идеологического противостояния православной Московской Руси и «безбожной» — языческой,

или экуменической, — Орды, идея которого использовалась для утверждения морального права Москвы стать центром объединения вокруг себя русских земель. Своего апофеоза этот процесс достиг в Никоновской (или Патриаршей) летописи, составленной в 1526–1530, в которой православно-клерикальная интерпретация событий полностью заменила собой историческую достоверность. Вполне естественно, что после подобной трансформации самой идеи летописания, превратившей эти памятники из исторических хроник в произведения литературы политико-идеологической направленности, теме присутствия и участия православия в жизни Золотой Орды в их содержании уже не могло быть места.

Этим обстоятельством в полной мере объясняется отсутствие упоминаний о пленении «попа русского, из Орды пришедшего», в хронологически поздних памятниках русского средневекового летописания и полное забвение этого частного, но по-своему очень интересного вопроса в произведениях российской исторической науки сначала имперского, а вслед и за ним — советского периода. Имперским историкам он идеологически не подходил по причине несоответствия официальной теории «православного самодержавия», а советским — из-за несоответствия идеологии «научного атеизма» и методологической концепции «главенства масс в истории человечества».

Источники

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. XVIII. Симеоновская летопись / Сост. Б. М. Клосс. М.: Знак, 2007. — С. 127–128.
2. ПСРЛ, изданное по Высочайшему повелению Археографической комиссией. — Т. V. Псковская и Софийская летописи. СПб, 1851. — С. 237.
3. ПСРЛ. — Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись / Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — С. 125.
4. Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. — М.: Худ. лит., 1969. — С. 728.
5. ПСРЛ. — Т. XXXIII. Холмогорская летопись. Двинский летописец / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. И. Буганова. — Л.: Наука, 1977. — С. 89.
6. ПСРЛ. — Т. XXXVII. Устюжская и Вологодская летописи / Под ред. Б. А. Рыбакова и В. И. Буганова. — Л.: Наука, 1982. — С. 76.
7. ПСРЛ. — Т. XXXVII. — С. 167.

